

Глава 1

РАВНОВЕСИЕ

Полковника Орсо непросто было удивить, тем более застать врасплох. Но сейчас он молча стоял, держа в вытянутой руке фонарь, медленно раскачивающийся на толстой цепи, и неотрывно глядел на силуэт на фоне лилового неба. Затем медленно опустил фонарь на каменный пол площадки и скрестил руки на груди.

— И вам доброго вечера, Джузеппе, — так же спокойно проговорил он. — Мне даже не грех признаться, что вы меня удивили.

Он сделал паузу, внимательно глядя на подростка. Но тот стоял так же неподвижно, не спеша вступать в разговор. Помолчав, Орсо сделал шаг вперед.

— Стойте на месте, полковник, — тут же раздалось в ответ.

Орсо остановился, зачем-то увещевающе вскидывая руку.

— Я не двигаюсь, — заверил он, а мальчишка одобрительно кивнул:

— Вот теперь нет. Имейте в виду, ветер в мою сторону, я слышу даже ваше дыхание, не говоря уж о шагах.

Тем временем кондотьер уже справился с первым замешательством и неожиданно ощутил любопытство:

— Послушайте, Джузеппе, прежде чем мы перейдем к нашему общему делу, позвольте спросить: как вы меня разоблачили?

— О, по чистой случайности,— ровно пояснил оружейник. — Мой... приятель недавно выучился грамоте и еще неопытен. Когда он читал мне письмо, которое вы мне подсунули, он не узнавал половину букв. Я сразу заподозрил, что оно писано другой рукой. А потом вы допустили оплошность. Там есть такие слова: «Все эти годы ты ошибался. У тебя совсем не та фамилия, что ты думаешь». Но я никогда не называл Гodelоту своей фамилии. Я попросту не помню ее. Да и Лотте никогда бы на второй этаж меня зазывать не стал. Побоялся бы, что я башку разобью, и у самых ворот бы встречу назначил. Ну, и в придачу от вас слегка пахнет анисом, а Лотте его терпеть не может.

— Но как вы узнали меня? Мы ведь с вами не знакомы. Подросток отчетливо ухмыльнулся:

— Господь с вами, полковник! В Венеции есть тысячи укромных мест, где меня можно тихо придушить. Но вы заманили меня туда, где моих криков все равно никто не услышит, даже если кромсать меня на ремни. Значит, вы собираетесь задавать вопросы. Едва ли вы поручили бы это кому-то другому. — Пеппо на миг умолк, а потом добавил с чуть едкой доброжелательностью: — Полковник, почему вы молчите? Вы расстроились? Не нужно, право. Ваша ошибка простибельна. К тому же я все равно здесь.

Орсо покачал головой, снова ощущая, как его охватывает непривычное и досадное чувство замешательства... Он наконец-то настиг неуловимого Гамальяно. Он раскрыл тайник, успел подменить письмо, блестяще заманил проныру в ловушку, но отчего-то вовсе не чувствовал себя победителем. Паршивец не только раскусил приманку. Он нахально пришел прямо на казнь, а теперь еще и утешает своего

преследователя, балансируя на краю полуразрушенной стены. Что за странный поворот?

Но полковник отогнал эти бесполезные сомнения и снова воззрился на мальчишку:

— Что ж, вы правы, я опять недооценил вас и допустил уйму ошибок. Однако вы действительно здесь. Почему же вы явились на мое приглашение, если уже знали, что с письмом не все чисто?

Гамальяно пожал плечами, и шутливая искра исчезла из его тона:

— Я устал от вас бегать, полковник. Вы, с вашими деньгами, шпионами и солдатами, все равно бегаете быстрее. Кроме того, я не люблю быть еще более слепым, чем обычно. У меня тоже есть вопросы, на которые я хочу ответов.

— Что ж, я не против, — невозмутимо кивнул Орсо, — задавайте.

Мальчишка сделал паузу и резко произнес, будто срывая с кожи раскаленную каплю смолы:

— Какова же все-таки моя настоящая фамилия?

Полковник покусал губы. Этого вопроса он не ожидал.

— Вот как, вы совсем не помните... — зачем-то отметил он. А затем медленно проговорил: — Ремиджи. Ваших родителей звали Рика и Жермано Ремиджи.

В ответ не донеслось ни звука. Полковник лишь смутно разглядел, как мальчишка отнял руку от выветренных башенных зубцов и рассеянно потер лоб.

— Слезайте оттуда, Джузеппе! — потребовал Орсо, надеясь, что в его голосе не прозвучало нервной ноты. — Не ровен час, оступитесь.

— Мне здесь удобно, полковник, — бесстрастно отозвался оружейник.

Орсо закатил глаза:

— Не думаете же вы, что я позвал вас сюда, чтоб незатейливо перерезать вам горло?

— У меня мало причин рассчитывать, что вы явились с узелком пирожков. — Из темноты снова блеснула ухмылка. Похоже, Гамальяно взял себя в руки и снова изготовился к бою.

Кондотьер непроизвольно дернул уголком рта: разговор начинал его забавлять.

— Что ж, Джузеппе, я вижу, вы не трус и не дурак, — вполне искренне сказал он. — Тем лучше. Терпеть не могу истерик. Довольно воспоминаний и давайте к делу. Полагаю, вы знаете, что мне от вас нужно.

Пеппо медленно покачал головой:

— Никаких шарад, полковник. Я буду говорить только начистоту.

Орсо прищурился и кивнул:

— Хорошо. Спрошу иначе. Где наследство пастора Альбини?

Пеппо сделал паузу, а потом спросил веско и отдельно:

— О чем вы говорите?

Кондотьер понял его:

— Я говорю о небольшом твердом продолговатом предмете, унесенном вами из графства Кампано два месяца назад.

Подросток скривился:

— Моркови я в Кампано не крал.

— Не валяйте дурака, Джузеппе, — холодно посоветовал полковник.

— А вы не юлите. Я хочу знать, что это такое и ради чего столько квохтанья.

Полковник помолчал.

— Вы с Мак-Рорком что же, так и не изучили ваш трофей?

— Да мы вообще к нему не притрагивались! — огрызнулся Пеппо. — Нам в голову не приходило, что он имеет какое-то значение!

Орсо оценивающе поглядел на едва видневшийся в темноте силуэт.

— Где же он?

— Там, где я его оставил, только вот позабыл кому-нибудь об этом рассказать.

Полковник опять на несколько секунд умолк, а затем жестко отрезал:

— Я хочу, чтоб вы отдали этот предмет мне, Джузеппе.

Из темноты донесся смешок:

— И что же я получу взамен?

— Вы не в том положении, чтоб торговаться, — осадил собеседника Орсо, но мальчишка не смутился:

— Разве? А если я не хочу его отдавать?

— Тогда я вынужден буду настаивать. Имейте в виду, юноша, — Орсо слегка понизил голос, — у меня тоже найдется что поставить на кон. Не забывайте, что за Гodelота некому заступиться. Я его кондотьер. Так сказать, отец и мать разом. И только я могу распоряжаться его жизнью.

Повисла недолгая тишина, и Пеппо вкрадчиво ответил:

— Полковник, вы забываете, что заступиться за ваш трофей тоже некому. И только я могу распоряжаться его целостью. За любой вред, нанесенный моему другу, я буду отрубать по куску и сжигать.

Орсо оскалился:

— Вы полагаете, Гodelоту от этого станет легче?

— А вы полагаете, что станете ближе к цели?! — рявкнул мальчишка, и Орсо подобрался: похоже, он пробил брешь в холодном самообладании парня.

— Надо отдать вам должное, Джузеппе, вы снова оказались на шаг впереди. Но упускаете из виду, что быть впереди означает всегда ощущать за собой погоню. Я не отступлюсь, тут можете быть уверены. Более того, как вы верно подметили, я не один. Вы упрямы и самолюбивы, но вообразите, что за жизнь вас ждет. Долго ли вы протянете, мечась, будто

загнанный собаками лис? — Орсо говорил все громче и быстрее, словно раздувая в горне огонь. — Уже сейчас вы не по годам недоверчивы, скоро же станете сходить с ума, всюду чуют предателей, бояться звука собственного дыхания. Вы останетесь без друзей, будете избегать людей, потеряете заработок. Стоит ли эта жалкая участь вашего временного торжества надо мной?

Гамальяно молчал, и полковник уже предположил, что тот колеблется. Но тут подросток рассмеялся с бесшабашностью подвыпившего дуэлянта:

— Вы чертовски правы, полковник! Мое дело дрянь. Но у меня есть и другой способ вам досадить. — Пеппо отнял ладонь от изгрызенных временем камней башенки и демонстративно скрестил руки на груди. — Ей-богу, чего я не дал бы, чтобы посмотреть на ваше лицо, когда кувырнусь вниз!

Орсо осекся, затаивая дыхание. Похоже, он едва не перегнул палку. Не надо дразнить Гамальяно, пока тот стоит над пропастью.

— Да будет вам, Джузеппе, — промолвил полковник уже мягче, — вы не понимаете меня. Мне нужен только находящийся у вас предмет. Я не испытываю ни малейшей личной вражды к вам. Но эта вещь все равно вам не пригодится. Использовать ее может лишь тот, кто это умеет. В ваших же руках это просто опасный артефакт, что принесет вам многие горести, и ни малейшей пользы.

— Зато, пока он в моих руках, наши с Гodelотом шеи имеют кое-какую цену, — отсек Пеппо. — И вот еще что. Ваш, как вы говорите, «артефакт» спрятан в не самом уютном месте. Вероятно, убив меня, вы найдете его и сами, у вас достаточно людей. Только времени у вас негусто, полковник. Пока вы будете искать, свиток уже придет в негодность. Посему не вздумайте испугать меня или огорчить. Один неверный шаг — и свою тайну вы будете отскребать от плит.

Брови Орсо дрогнули. Он огляделся и, приметив лежащий на боку обломок башенного угла, сел на холодный камень. Теперь, когда фонарь стоял поодаль, силуэт Гамальяно виднелся яснее.

— Что ж, вы предусмотрительны, Джузеппе. Боюсь, отскобленная от камня, моя тайна потеряет товарный вид... — задумчиво проговорил полковник. Потревоженный внезапной мыслью, он вскинул голову: — Погодите! Скажите, где именно вы нашли... этот свиток? Где я не догадался его поискать?

Пеппо переступил ногами по зубцам, заставив Орсо сжать челюсти.

— Это тоже случайность. Свиток был в нательной ладанке убитого пастора.

Кондотьер окаменел. Облизнул губы.

— Что? В ладанке? Вы уверены, Джузеппе?..

Вопрос прозвучал почти растерянно, и голос Орсо сорвался. А потом полковник разразился смехом. Он смеялся все громче и громче, пока не захохотал в голос, стискивая кулаки.

— Вы великолепны, Эрнесто... — пробормотал Орсо сквозь смех. — Bravo.

А перед внутренним взором уже вставала та озаренная пожарами, дымная, кровавая ночь...

* * *

...Дело было сделано, и отряд полковника прочесывал замок и прилегающую территорию в поисках тел нескольких убитых однополчан. Зарево пожаров над деревнями и посевами багровыми бликами расцветивало ночное небо. Роша у крепостной стены все еще жарко пылала, с треском выбрасывая вверх снопы искр. Там и сям виднелись трупы защитников замка.

Сам полковник стоял на крыльце со скьявоной в руках. Пастор Альбинони прижимался спиной к резной створке двери, глядя на Орсо. Черные глаза казались неестественно большими на бледном лице.

— Господи, Орсо, это вы? — неожиданно спокойно промолвил священник. — Надо же, какая занятная штука судьба. Я ждал вовсе не вас.

— Увы, Эрнесто, придется есть что дают, — отрезал кондотьер. — Думаю, вы даже знаете, где меня научили этой мудрости. Просто отдайте мне Третью и умрете достойно.

Глаза пастора полыхнули в полутьме:

— С чего вы взяли, что я храню столь ценный предмет здесь?

— У меня есть на то основания. — ровно ответил Орсо. — Не упорствуйте, Эрнесто. Поверьте, существует огромная разница между тем, чтобы молча рухнуть наземь с пронзенной грудью, и тем, чтобы с воем и слезами подыхать посреди вонючего каземата в луже собственной крови и нечистот.

На скулах Альбинони выступили пятна румянца, крылья носа дрогнули.

— Вы что же, Орсо, мните себя обиженным? После всего того, что вы учинили, вы изволите рядиться в тогу мстителя?

Даже в неверных багровых всполохах огней было видно, как взгляд полковника налился черным бешенством. Лезвие скьявоны тут же уперлось пастору в ребра:

— Наши с вами счеты позади, Эрнесто, — промолвил кондотьер, не меняя тона, — нас рассудят в другом суде. Здесь же и сейчас мне нужно только Наследие Гамальяно. Вы, конечно, не согласитесь со мной, но, по совести, вам следовало бы исправить то, что вы сделали.

— А кто исправит то, что сделали вы? — холодно парировал Альбинони.

— Не тревожьтесь, Эрнесто. Это Господь подчас предвзят, в аду же не ошибаются. — Лезвие проткнуло рясу. — Хватит софистики. Отдайте Третью, и вся эта история закончится.

Альбинони не ответил. Он молча опустил глаза и с почти рассеянным видом провел пальцем по лезвию скьявоны.

— Послушайте, Орсо, — начал он негромко, — зачем вам эта проклятая вещь? Она приносит несчастье всем, кто ею обладает, вам ли не знать. Она погубила меня — погубит и вас. Дьявол, принеший ее в мир, передумал. Он хочет ее назад и не отступится. Не стойте у него на пути. Скажите хозяйке, что я сжег Третью у вас на глазах и вы убили меня за это, как я того и заслуживал. Вот, Орсо, возьмите. — Пастор стянул с тонких пальцев два старинных перстня, потом торопливо снял с шеи ладанку и вынул из кармана часы. — Эти кольца и хронометр стоят огромных денег, они — последнее достояние моей семьи. Ладанка же эта дурно изготовлена, но я привез ее из Святой земли, она освящена у самого Гроба Господня и заключает весьма редкий текст из Библии. Ее завещал мне перед смертью некий испанский монах. Подумайте, Орсо. Несколько сотен золотых цехинов и благословение католической церкви — или проклятие, нависающее над каждым, кому в недобрый час угодит в руки.

Пастор умолк, глядя Орсо в глаза и сжимая драгоценности в руках. На высоком лбу блестели капли пота, седые волосы казались медными в отблесках огня. Кондотьер брезгливо сплюнул:

— Не пытайтесь меня подкупить, Эрнесто. Только не меня. Мне ничего не нужно от скопища грязных ублюдков, называющих себя слугами святой церкви. Мне нужна Третья — а вам пригодится быстрая смерть. Я жду.

Альбинони помолчал, а потом сжал пальцы так крепко, что побелели суставы.

— Что ж. Ищите, Орсо,— твердо отрезал он и одним изящным, почти танцевальным движением нанизался грудью на клинок.

Полковник окаменел. С бранью рванул скьявону назад, и пастор Альбинони тяжело осел на ступеньки, все так же глядя в глаза кондотьеру. Несколько блестящих темных капель скользнуло с острия на камень крыльца.

— Тварь...— прошептал Орсо.— Тварь, тварь! — заревел он вдруг, остервенело вонзая клинок в живот умирающего, а затем снова и снова.— Будь ты проклят, проклят!

Но пастор уже не слышал, только тело равнодушно держалось при каждом ударе да глухо постукивала о створку двери безвольно откиннутая голова. Орсо отшвырнул окровавленную скьявону и рухнул на ступеньку, тяжело дыша и все еще бессвязно что-то бормоча.

* * *

...Полковник оборвал смех, отирая пот со лба. Куда мне до вас, пастор. От вашего хохота сейчас должен сотрясаться ад. Правду говорят, что самый надежный тайник всегда на самом виду. Как настырно вы совали мне в руки ладанку, как пафосно толковали о Святой церкви! Вы знали, что этим лишь сильнее оттолкнете меня от своего подкупа. И плевать вы хотели на мои угрозы, когда я сам тыкал избавлением вам в грудь. Право, вы слишком изящно выставили меня олухом, чтобы я мог обидеться.

Поднявшись на ноги, Орсо вновь обратился к Пеппо:

— А знаете, Джузеппе, вы мне нравитесь. Я уважаю смелых людей. Однако оцените происходящее здраво: ни вам, ни Гodelоту не будет покоя. Сегодня вы обошли меня, но настанет завтра. Бросьтесь сейчас со стены — и я примусь за ваших друзей. Я вытрясу из Гodelота все, что он знает, до последнего слова. Я разыщу мальчугана, что носил для вас

письма, наведуясь снова к прелестной лавочнице. Я буду клевать по зерну, словно воробей, и все равно добьюсь своего. Вы же сами, будто малодушный дезертир, просто спрячетесь в земле, отдав своих близких мне на съедение. Да, вероятно, я могу опоздать. Но подумайте, сколько жизней будет без всякого толка сломано вашим упорством.

На сей раз Пеппо молчал около двух минут. Затем из темноты донесся прерывистый вздох.

— Черт бы вас подрал, полковник, — глухо проговорил подросток, — неужели этот поганый пергамент стоит таких жертв? — Голос его зазвучал устало. — Послушайте, я не скажу вам, где свиток. Все равно не скажу. Слишком много погибло людей, чтобы просто отдать вам его. Вы сами твердите, что свиток опасен и может причинить многие беды. Поэтому я сделаю все, чтобы вы не заполучили его. Но, полковник... Вы можете преследовать меня до самой смерти. Вы можете уничтожить Лотте. Да, мне больно это сознавать. Но я знаю его. Мы вместе встали на этот путь — вместе нам по нему и идти. Но... умоляю вас, не трогайте мальчика и лавочницу. Они ничего не знают, даже моего настоящего имени. Это девушка и ребенок, полковник. Должно же быть хоть что-то неприкосновенное. Даже для вас.

Орсо тоже долго не нарушал тишины. А потом проговорил медленно и взвешенно, будто ступал по шаткому мосту:

— Джузеппе. Все святое, что у меня было, давно похоронено в разных частях Европы. Но, допустим, кое-какие огрызки совести есть и у меня. Мы с вами уже около часа топчемся на месте. И, думаю, я знаю, как быть. Вы не хотите отдавать свиток? Хорошо. Как насчет того, чтобы продать его?

Пеппо усмехнулся:

— О, это совсем другое дело, полковник! Полагаю, вы даже дадите мне неплохую цену. А потом у меня будет целых полчаса, чтоб насладиться богатством, покуда ваши

умельцы не пожалуют и не снесут мне голову. Хотя в шансе подохнуть состоятельным человеком есть своя прелесть.

Но кондотьер оставался серьезным:

— Вы неверно поняли меня, Джузеппе. Я не сулю вам денег. У меня есть для вас нечто более ценное.

— Не тяните, полковник, я умираю от любопытства! — тем же тоном откликнулся подросток.

Орсо сделал паузу.

— В обмен на находящуюся у вас ценность я предлагаю вам зрение.

* * *

В трагтории мессера Ренато всегда хватало постояльцев, а потому вечерами почти все подслеповатые окошки мерцали дрожащими огоньками свечей. Только в одной камерке, занимаемой слепым оружейником, обычно царил темнота. Но в ту ночь и это окно было слабо озарено. У стола, на котором горела тощая свечка, сидел Алонсо.

У самого подсвечника лежало письмо, с таким трудом прочитанное им для Риччо. Хотя шотландец Годелот отчего-то называл его Пеппо. Теперь, перечитав письмо несколько раз, Алонсо уже знал его содержание:

«Дружище, я надеюсь, ты получишь это письмо без промедления. Произошло слишком много всего. Впервые, я узнал, кто недавно пытался убить меня, и тебе тоже следует это знать. Называть здесь имен я не буду, об этом потолкуем с глазу на глаз.

Но это не главное, брат. Я узнал кое-что, намного более важное. Во всей этой карусели последних месяцев нет никаких случайностей. Все эти годы ты ошибался. У тебя совсем не та фамилия, что ты думаешь. То, что у нас так сильно хотят отыскать, действительно принадлежало твоей семье, и именно поэтому она и

погибла. Это страшная вещь, Пенно, и тебе нельзя хранить ее у себя. Ее будут искать, пока не найдут. А оттого прости меня за спешку и риск, но медлить нельзя.

На севере Каннареджо у самого моря есть развалины старинной крепости. О них все знают, но слава у них дурная, и туда никто из пустого любопытства не идет. Спроси в любой трактирши, и тебе укажут путь, дорога всего одна. Там, на площадке второго этажа, я буду ждать тебя сегодня около десяти часов вечера. Непременно возьми с собой пасторское наследство, я должен его рассмотреть. Поднимешься легко, лестница широкая и надежная. Я недавно узнал об этом месте, однополчане байки травили, жаль, что так поздно. Постарайся не запоздать, мне в караул на рассвете. Если сегодня не сумеешь — завтра буду ждать тебя снова. Будь осторожен, брат. Л.»

Читая эти строки впервые, Алонсо почти ничего не понял. Но от этого странного письма отчетливо веяло тревогой. Однако Риччо вовсе не испугался. Он лишь надолго о чем-то задумался, а потом сказал:

— Сегодня вечером мне нужно будет уйти. Если я не вернусь к утру... Словом, если дня за два я не вернусь, ты, дружище, сделай вот что. Перебери все мои пожитки. Возьми себе, что захочешь: у меня есть кое-какие инструменты, которые можно продать, а вам с матушкой деньги пригодятся. Ты чего всхлипываешь? Я же не в могилу собрался. Просто, быть может, вернуться будет не с руки. Все деньги, какие найдешь, тоже заведи.

И еще кое-что, самое главное. Под половицей у изножья койки есть свернутая рубашка. Не разворачивай ее ни в коем случае. Просто возьми как есть и сожги ко всем чертям в кухонном очаге, когда там огонь поярче. Пообещай, брат, что так все и сделаешь. — Голос Риччо чуть дрогнул. — Это важно. А мне больше некого об этом попросить, здесь нужен